

* * *

Попросила:

— Богатства дай, Бог...

И отмерил мне Бог сто дорог.

Я их в косу тугую вплела

и торить своё счастье пошла.

Каждый пройденный путь-волосок

словом падал в большой туесок,

что судьбою зовётся моей —

он с годами полней и полней:

превращается слово в добро,

а коса от щедрот — в серебро.

Только звона не слышно монет,

только не было денег и нет.

Что ж, махнула рукой: ну и пусть,

с ними пути одни, а не путь.

А богатство такое в душе,

что и денег не надо уже:

выше гор золотых мой полёт —

не монетой там платят за вход.

ХРАМ

Я прошу тебя, милый, запомни:

тот осенний загадочный лес

был как храм, что крестом колокольни

дотянулся до синих небес;

и в бездонную высь куполами

кроны сосен над нами взметнулись,

и любовь пела колоколами —

в эту песню с тобой окунулись;

крепче юности зрелость пьянила

и дарила нам нежность и боль —

ты запомни всё это, мой милый,

всё, что было со мной и с тобой.

Не зови нашу встречу случайной,

даже если по воле небес

не наденем колец обручальных:

храмом поздней любви стал нам лес.

* * *

Клавиши рояля перекрашу —

чёрные в зелёный, жёлтый цвет.

И на белых — лепестках ромашек —

разыграю: любит или нет...

Разольётся звуками былое:

жёлтый мне вина измен плеснёт;
а зелёный — вечною тоскою —
жгучей лапой хвойной полоснёт.
Я сама ломала хвои эти,
траурный чинила отворот:
от судьбы — долой;
пугали сети
и манили — взгляд твой,
жаркий рот.
И вскипали жилы зельем ржавым,
будто реки, рвущиеся с гор:

пала, князь, к ногам твоим держава,
Промысел верша, как приговор...
Маковки ромашек зазвенели —
сводов золотых колокола.
Мой родной!.. Ведь я и в самом деле,
в перезвоне — вздохом — ожила.
Ожила. И клавиши не крашу
чёрные в зелёный, жёлтый цвет, —
я узнала, Господи, ответ.
Ожила. И умереть — не страшно.